

«Комок» в горле театра

Если бедность и не перек, то лишь на провинциальной сцене

1. Автограф на талоне

Вечером 28 апреля актриса Читинского театра Дальская разделила ужин в ресторане при гостинице «Даурия» с молодым коммерсантом Орликовым и направилась к себе в номер. Через некоторое время он вошел к ней, затем раздался выстрел, и раненый Орликов, весь в крови, выбежал из номера. Затем Дальская послала за актером Вартеневым, который жил в другой гостинице. Он пришел, и вскоре персонал заведения услышал из номера Дальской еще один выстрел. Бошедшие увидели Вартенева лежащим на полу с огнестрельным ранением в голову.

— Занятная история, не правда ли? — замечает артист Рафаил Аббясов голосом сыщика. Он, кажется, взялся бы за расследование, если бы не вышел срок давности: заметка «К читинской трагедии» была опубликована в двух номерах журнала «Театр и искусство» за 1911 год.

Мы сидим в его гримерной, на Аббясова костюм Монтекки, он курит дешевые китайские сигареты и толкует о старых добрых временах. Получая назад он чуть не зарубил мечом, настоящим, а не картонным, добродушного гитаниста Николая Хрячкова, поставленного на роль Капулетти.

— Вы считаете, я достойно смотрюсь? Да, в моем возрасте начинаешь хорошо понимать, какая у нас жестокая профессия, — поясняет он. — Раз заболел — пожалуют, второй — подумают, а на третий скажут, что пора тебе...

Его перебивает женский голос из динамика внутренней радиосвязи — просят подготовиться к выходу. Он уходит, чтобы выслушать мораль Эскалы, героша Вероны — а у меня есть время перепечатать строчки из журналов за 1911 год. Есть в той темной истории занятные детали. Актрисы с именем, видимо, не брезговали контрактами на работу в губернских городах: до переезда в Читу Вартенев уже числился заметным артистом в обеих столицах. И не сказать чтобы богема здесь бедствовала: Дальская посылала за Вартеневым не гостиничную прислугу, а свою горничную. Столичное издание регулярно сообщало, что происходит в театрах на периферии — чуть ли не в одном разделе с новостями из Парижа.

А сейчас? Тогда поклонников, поговядки за рубеж, бесконечные телентервью — все это исключительно для бедных, уставших от славы столичных звезд. Провинциальные актеры живут тихо, питаются асфуматку, занимают друг у друга до получки.

Как-то спросил у ведущего актера Владимира Кнестикова, единственного в нынешнем составе со званием заслуженного: неужели не помешляет он о славе? «Я не знаю, что это такое», — ответил он, — но если это автографы на троллейбусных талончиках или на продуктовых карточках, то мне ее не надо».

2. Ромео, ты не прав

Из динамика доносится смех. Так обычно реагирует зал на реплику Бенволио: «Ромео, ты Тибальта заколол».

Тут ничего не подделывай. Андрей Подкрасенный перепробовал все возможные интонации — все равно смеются. Зритель воспринимает происходящее на сцене как видеофильм: Тибальт — он все равно лишь подкрученный дядька, а Ромео — крутой по-настоящему, почти Брюс Ли. Вот бы они еще узнали, что Джульетта на репетиции, когда заклинил штанкет, чуть не сорвалась с «башни» — четырехэтажной конструкции из никелированных деталей, прикрытой «плюшем» — лохматинами зеленой армейской маскировочной сетки.

Аплодисменты с последующим топотом. Это закончилось первое действие — люди бегут в буфет. Там пирожные, пригоршня соки и боржомуха — шесть рублей за рюмку. Кстати, самый дорогой билет на вечерний спектакль стоит меньше четырех рублей. Вот интересно: знают ли об этом «курсы» актеры и не обидно ли им? Спрашиваю у вошедшего Аббясова.

— А ты, сынок, как думаешь? — соглашается он. — Вон — открыли напротив билетной кассы коммерческий магазин. Салон «Театральный». Да нет там ни хрена ничего театрального. Шмотки, жвачки да китайский термос. «Комок» поперек горла у многих. Открыли его, как водится, из лучших побуждений: дотаций не хватает, вот и стали плащать под приличную плату в аренду. Театр втягивается в «рынок» покоем. Ближайший помощник главрежа пытается даже провернуть крупную сделку. Только вот какое дело: чем больше занимается театр коммерцией, тем хуже живут артисты. Один из самых крепких и, соответственно, высокооплачиваемых актеров Вениамином Прохоров купил в салоне платье — жене на 8 марта. Теперь надеется месадца через полтора рассчитаться с долгами. А навар от аренды не догоняет цен, помчавшихся вскачь.

Вообще-то актеры и до перестройки особенно богатыми не были: а получку им показывали на шесток. И все-таки показательно, что некоторые из них, не самые беддарные, могли позволить себе роскошь уходить в запой. Теперь даже премьера обходится без традиционных банкетов. Богема трезвеет.

3. Место в первом ряду

— Нам платили за совершенно определенные вещи, — напоминает Аббясов. — Существовала репертурная разрядка. Одна пьеса из русской классики, одна из зарубежной, революционная тема, местная тема, современная тема, «обличение изв буржуазного строя» и что-нибудь а очередному сзеду.

В те времена номенклатура брала билеты на лучшие места. После спектакля — обязательно пожать руку режиссеру, чмокнуть исполнительницу главной роли. Мастерство директора заключалось не в последней очередь в том, чтобы использовать эти драгоценные секунды — пожаловаться, попросить содействия, напомнить о проблеме-другой. Хозяева области могли, конечно,

упрекнуть в «иждивенческих настроениях», но чаще все-таки барская помощь следовала.

Теперь одних полукультурков сменили другие, но никто из них в театре не видел. Власть и культура уже не противостоят, но и не поддерживают друг друга, если не считать нищенских дотаций из бюджета. Кассовый сбор целиком зависит от старшекласников: будет культпоход — будет аншлаг. На здании театра отваливается штукатурка, и оно давно стало рыбам от кирпичных пропеллеров. Актеры скитаются по общагам. У самых счастливых — хрущевка. Даже дома отдыха СТД на юге стали теперь не про их честь. Чего ради они работают?

Неужели вы до сих пор не поняли? — спросил Монтекки и придал с сигаретку.

4. Про главное

Двадцать лет назад это было. Он только-только вышел из больницы, но работать на сцене адворные еще не позволяло. Театр уезжал на гастроли, а в это время, как на грех, уволился сторож, и подыскать другого человека на мизерную зарплату никак не получалось. Тогда он, как истинный патриот театра, предложил свои услуги. Директор долго хохотал, а в конце концов согласился.

Ливень хлынул на Читу как раз в его дежурство. Вода сквозь прохудившуюся крышу попала в будку с электрооборудованием.

— Я набираю ноль-один и говорю: предупреждаю, что если через пять минут пожарные не будут в театре, то он сгорит из чертовой матери.

Театр к ней и сгорел. Построили новый. В нем тоже протекает крыша. Но я не к тому — я к тому, что театр — это не корушка для триллионов липовых. Театр — это субстанция, ради которой лицевой готов всю ночь без артистов играть роль бдительного сторожа.

5. В меру сумасшедший

Что творится в комнатке за кулисами? Занятая в эпизодической роли актриса вьезет на спичах, курит Николай Хрячкова — несмотря на строжайшее объявление. Дремлет, положив руку на приклеенную бороду, старший актер Николай Забелин. Ходит наизусть Саша Штидлер. Оля Рука у него в гипсе и подвязана, другой ему еще надо за колоты Париса. А тот, что стоит как памятник, не шлохонется — это и есть главный режиссер Николай Вережний. Он сильно изменился со времени нашей первой встречи. То ли заматерел, то ли очинился — не пойму.

Тогда, два года назад, в новом главреже читинской драмы за версту было видать залетную птицу: волосы до плеч, а глаза — железная воля. Да эти пижимские претензии к эстетикам — сразу вылились ли, отключаются по два-три раза за репетицию. Больше всего не сами отключения поражали, а то, как к ним относятся актеры. Шепотом, с глазами в пять копеек он говорил мне через стол: «Володя, если люди привыкают к такому, то...»

А что — что? Им какое дело до перебоев с электро-снабжением, если за пять минут до окончательного развала театра к ним приехал он — Вережний, молодой, в меру сумасшедший и очень самоуверенный. Они уже по горло были сыты соревнованиями с гатетчиками в обличительной простоте, когда он предложил «Короля-олена». И пошло: «Ангелы дома», «Наш Декамерон» и вот теперь — «Ромео и Джульетта». За два года репертуар сменился полностью, прекратилась грязня, у входа на новые спектакли спрашивают лишний билетик! Это в Чите-то! Где слово «театрале» имело хождение только в одной интонации — ехидной.

6. Нельзя подходить близко к чуду

Впервые меня привели в театр в пятилетнем возрасте — на балет «Каменный цветок». Помню только, что где-то в глубине сцены трепетала, переливаясь синими, изумрудными и аллыми цветами, лепесток. Потом из-за криса я увидел, что это обыкновенные бумажные ленточки, на которые направляли струи воздуха, и переливались они потому, что на софитах меняли стекла.

Сейчас провинциальный театр доведен до такой крайности, что сами же его работники вынуждены показывать серьезную изнанку искусства. Получив от властей волю, он лишился дымки таинственности. Убрали нимбы, напильники на актеров кроличьи шапки, встали в сторику — и толкуем о кризисе культуры. Прикидываем: переживут театры беневые реформы или нет? Ну давайте прикинем.

Ждать больших милостей от властей, видимо, не приходится. Они укажут на тех, кому их помощь нужнее. Поэтому сегодня театр присматривается к богатым людям. Они есть, но пока большинство благотворительных акций проводится по принципу: подешевле и погромче. Вот крупнейшая коммерческая структура — отделение азиатской биржи — стала спонсором телешоу. Ку как там молчат быть ватраты — пустакое. Зато аббревиатура «АБ» теперь прочно сидит в подпорке у каждого забайкальца: благодетели. А все походы с протянутой рукой, которые предпринимают руководители театра и местного отделения СТД, ни к чему не приводят. Бизнесмены требуют «отдачи».

Всему свое время. Мода на меценатство может возродиться не ранее, чем новые хозяева жизни перепробуют инмарки и лучшие сорта вина, насладятся обществом красивых дам и обставят хоромы финской мебелью. Воль и перловый человек рассматривал кусок горной породы исключительно как средство для раскалывания орехов. Так стоит ли сердиться на нынешних богачей за то, что в театре они видят только удобную торговую площадку под коммерческий магазин? Пройдет... Когда опустился занавес, актеры побрели к выходу — грустные люди в ярких костюмах.

В. МЕДВЕДЕВ.

Чита.